

Новости 199 - 2002. - 15-17 июля. - с. 12-13

Власть в России — независимо от того, советская она или, так сказать, демократическая, — провоцирует граждан на нарушения закона. Как мелкие, так и в особо крупных размерах.

Когда милиционер, приглашенный на работу в Москву из другого города, получает 3000 руб. зарплаты и обещание «о перспективе обрести комнату в общежитии, он не может не «подрабатывать» — например, «крошкой». Когда чиновник, от которого зависят движение бурных финансовых потоков, получает немногим больше этого милиционера, он не в силах не брать взятки.

Это сегодняшние реалии. Но так же, в сущности, было и при Солженицыне. Прячим и с чиновниками, и с милиционерами тоже (разве что размых были не там). А вот обиженными чувствовали тогда себя спортсмены и артисты. Их западные коллеги при том же уровне популярности получали за выступления миллионы долларов, а наши... Чего только стоят концертная ставка 11 руб. 50 коп.! Меньше, чем плата за один короткий телефонный разговор, например с Парижем (где, например, Марина Влади).

Минус 250 концертов

Об уголовном деле, возбужденном в 1979 году в Ижевске, узнал весь тогдашний СССР. Судачат о нем и до сих пор. Некоторые горячие головы поспешили окрестить этот процесс как «дело Высоцкого», хотя автор

исполнитель фигурировал в нем лишь в качестве свидетеля. Личность Владимира Высоцкого еще при жизни обросла различными легендами. Живут они и после его смерти. И вот одна из них: как-то журналисту удмуртской газеты

закомый прокурорский работник рассказал, что якобы вскоре после смерти Высоцкого из

Москвы пришло указание уничтожить материалы дела (конкретно — схему), чтобы не чернить память поэта и актера, и прокурорский признался, что лично в этом участвовал.

Однако это легенда, потому что, хотя и с большим трудом, но загадочное дело все же удалось обнаружить. Томный труд, который много лет пылился на полках архива Верховного суда Удмуртской Республики, впервые попал в руки журналиста...

Сегодня мы рассказываем о том, как предпримчивые люди обманывали наше ханжеское государство — с выгодой для себя, знаменитых артистов, и общества.

Если бы не их махинации, мои земляки-ижевчане, создававшие мощь ВПК и между делом — ружья и мотоциклы, никогда бы не увидели ни Высоцкого, ни Хазанова. Я лично — в чем и расписывалось — принателен г-дам Кондакову и К за их мешаничество. Благодаря ловкости их не особенно чистых рук я вижу свою ульяну Владимира Высоцкого за год с небольшим до его ранней смерти.

А вот полноценного общения с Владимиром Семеновичем не получилось. Он знал о моем существовании от общих московских знакомых, и я довольно уверенно позвонил ему в гостиницу. С просьбой выступить в городской липстудии, которую посыпало тогда немало для 500-тысячного города одаренных людей.

Высоцкий, несмотря на плотный график выступлений, согласился. И не пришел. (Возможно, когда соглашался, пребывал в слишком беспечном состоянии.) Зато пошел в банкну с энергичными комсомольскими секретарями.

Тогда я воспринял это крайне болезненно. Но потом, спустя годы, вспоминая его измученное лицо, изменил свое отношение. Хотя, конечно, ангела Высоцкий не был. Что видно и по материалам «ижевского дела».

Но не надо забывать: шел последний год его жизни. Крайне измотанный и больной, Высоцкий жил и пел на разрывы аорт. И это «ижевское дело», несомненно, добавило ему первотрепки, а может быть (иногда и капли достаточно), и привнесло кончину.

И еще одно. Когда современное российское правосудие справедливо укоряют в следовании не Закону, а «понятиям», спущенным свыше, часто забывают, что корни такой «юстиции» в тех самых до потери памяти отрицающих или вызывающих неумеренную ностальгию советских временах.

● Олег ХЛЕБНИКОВ

зоны, Муслима Магомаева и других фаворитов публики. Звезды эстрады, со слов тогдашнего директора Росконцерта Ходыкова, летели на Кондакова, как пчелы на мед.

Естественно, что незаконная по тем временам концертная деятельность Кондакова была спровоцирована самим государством. Для артистов создавались условия, при которых легально выступать было невыгодно: концертная ставка Владимира Высоцкого, например, составляла 11 рублей 50 копеек. И только недалеко от смерти ему, собиравшему стадионы, Министерство культуры СССР сделало «подарок», повысив ставку до 18 рублей. На этом фоне предложений Кондакова выплате за концерт 500 рублей наличными выглядела заманчиво.

Откуда у Кондакова такие деньги? Метод его работы дол-

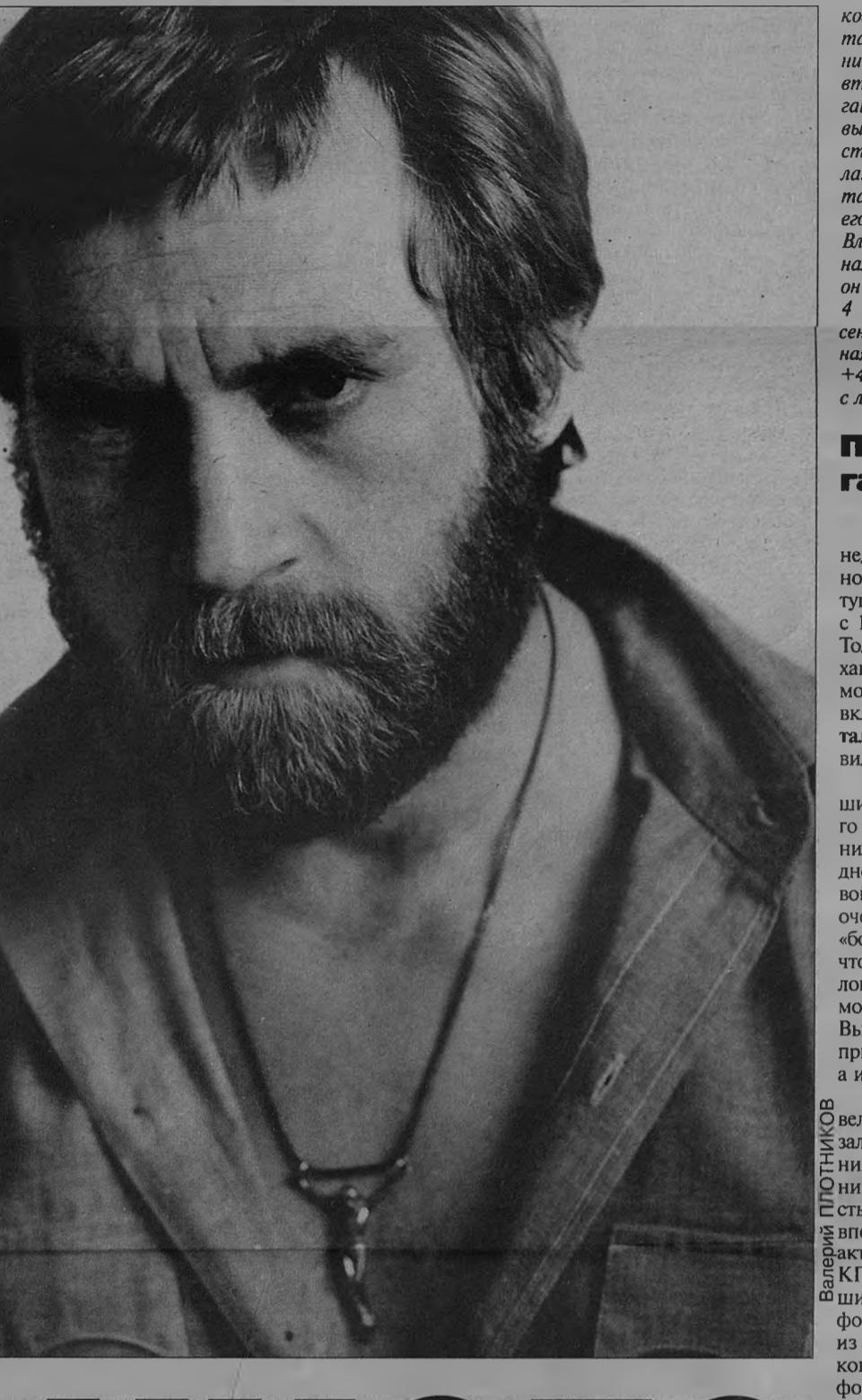
жен был в слишком беспечном состоянии.) Зато пошел в банкну с энергичными комсомольскими секретарями.

Тогда я воспринял это крайне болезненно. Но потом, спустя годы, вспоминая его измученное лицо, изменил свое отношение.

Хотя, конечно, ангела Высоцкий не был. Что видно и по материалам «ижевского дела».

Но не надо забывать: шел последний год его жизни. Крайне измотанный и больной, Высоцкий жил и пел на разрывы аорт. И это «ижевское дело», несомненно, добавило ему первотрепки, а может быть (иногда и капли достаточно), и привнесло кончину.

И еще одно. Когда современное российское правосудие справедливо укоряют в следовании не Закону, а «понятиям», спущенным свыше, часто забывают, что корни такой «юстиции» в тех самых до потери памяти отрицающих или вызывающих неумеренную ностальгию советских временах.

кого достал билеты. Шел спектакль «Преступление и наказание», где В. играл, казалось бы, второстепенную роль — Свиридову. Но то ли Любимов так выстроил театральные действия, то ли Высоцкий так талантливо играл, — весь спектакль «вытаскивал» благодаря его образу... После выступления Владимир Семенович подошел к нам. Был виден по его лицу, что он от своего веса килограмма 3—4 потерял. В Тбилиси тогда в сентябрьскую духоту была страшная, жара невыносимая, под +40°C, а представление шло три с лишним часа.

Спасение утопающих...

Дело взяли на контроль МВД ССР и лично генеральный прокурор ССР Руденко Р. А. А тем временем проблема у следственной группы хватало. Особую головную боль доставлял Шиманский. На допросах он лгал, то и дело менялся показания. Он пытался подкупить охранников, предлагая им дефицитные продукты из своих передач. Каждому сокамернику, коинвовленному в суд, Шиманский совал письма на волю.

Содержавшаяся в разных камерах московская компания всячески пыталаась пообщаться между собой: нужны были согласованные показания. Этим и объясняются граффити на стенах прогулочных двориков.

Поговорить следствию «по душам» с администратором Театра на Таганке оказалось не так-то просто. После первого допроса, состоявшегося аж в Грузинской ССР, понадобился второй — дополнительный. Тогда следователям пришлось разыскивать Янковича полгода: он прятался от них в московских больницах. Стоило милиции связаться с администрацией этих больниц, как интересующий их «больной» исчезал.

Шиманский — дворник № 6: «Лукасов, Турковский! Отбрасывайте меня. Я ничего не давал. Ничего не знал. Главное признавайте акты, а то что говорите кассиры бездоказательственно. Вы здесь, потому что сказали брали и говорите, что билеты считали и мы выиграли. Заметьте следы и говорите где вы, я в 11...»

25 января 1980 года — в день рождения Высоцкого — (впрочем, майор Кравец вряд ли приурочил свое действие к этой дате) выносится постановление о прекращении уголовного дела в отношении актера. Документ гласил: «С учетом названных обстоятельств речь может идти о переполнении им значительной суммы, т.е. о неосновательном обогащении, и о гражданско-правовых последствиях».

Сам факт участия в «левых» концертах не образовывал состава преступления, и вопрос о взыскании с артиста незаконно полученных им денег мог решиться и в гражданском порядке, для чего совсем не обязательно было привлекать его к уголовной ответственности.

На первоначальном этапе следствия, — вспоминает Семен Кравец, — Семен Кравец, — защищая Кондакова, в кабинете поднялся дрожжий смех. Операторники говорили: «Мол, мы — московская милиция — вот уже 15 лет «пасем» Кондакова и ниеде не можем поймать его за руку. А тут на тебе, приехали из какой-то дремучей Удмуртии и хотят улечь неуловимого «серого кардинала» в хищении денежных средств в особо крупных размерах. Но после того как я предъявил им санкцию на арест, все тут же переменились в лице, и начальник отдела заявил, что лично поставлено мной приставить Кондакова. Для него, как он пояснил, это была честь: задержать Василюса на законных основаниях... А Кондаков, впоследствии на допросе все верчал, говоря, что случайно задержался на указанном адресе; еще бы 15 минут — и ищи его как ветра в поле».

Владимир Высоцкий, — вспоминает Семен Кравец, — оказался проездом и о концертах Высоцкого, Хазанова и Толкуновой вообще ничего не знает. И потом в камере в знак протesta, что его, честного гражданина, арестовали, объявили голодовку. Человек железнной воли, он 49 дней не пристался к пище. И лишь привер-

шевший к стене неопровергимыми доказательствами, вынужден был признать свое участие в судебном заседании для дачи показаний. Мне даже пришлось выносить постановления об их приведении в действие, но безрезультатно. Высоцкий присягал телеграфом, что болен, Толкунова писала, что болен, Любимов

и Хазанова никак не могли доказать в обложке. Они, в свою очередь, связались с высокопоставленными партийными работниками из Москвы, и те дали устновку: рассматривать дело без артистов. Что ни говорят, а эстрадные звезды пользовались покровительством.

Сам процесс протекал далее не гладко. Некоторые обиженные, тонущие сами, предпринимали попытки потянуть за собой невиновных. Из протокола следственного заседания:

Шиманский: «Почему не приговарены к уголовной ответственности главные виновники преступления: Высоцкий и Янкович? Кравец: В обвинительном заключении имеется на то ссылка.

Из решетки свидетелю Николаю Тамарову один из администраций, играя на публику, кричал:

— Передайте Высоцкому: пусть башня привезет слова! А пусть и вы вернётесь к нему!

В итоге суд приговорил девятерых членов преступной группы к различным срокам лишения свободы — от 3 до 10 лет plus конфискация имущества. Кондаков получил 10 лет колонии усиленного режима (до свободы он уже не дожил). В отношении Высоцкого выносили частное определение, в гражданском суде ему предписывалось выплатить несколько рублей...

Эком минувших гастролей 5 мая 1979 года в газете «Комсомолец Удмуртии» промелькнула крошка: заметка «Гости с Таганке» без подписи: «Несколько дней в нашей республике выступали артисты Московского театра на Таганке: Геннадий Хазанов, Валерий Золотухин, Владимир Высоцкий и Дмитрий Межевич. В канун первомайских праздников работники культуры, учащиеся Ижевского культпросветучилища встретились с Владимиром Высоцким».

Сам факт участия в «левых» концертах не образовывал состава преступления, и вопрос о взыскании с артиста незаконно полученных им денег мог решиться и в гражданском порядке, для чего совсем не обязательно было привлекать его к уголовной ответственности.

На первоначальном этапе следствия, — вспоминает Семен Кравец, — Семен Кравец, — защищая Кондакова, в кабинете поднялся дрожжий смех. Операторники говорили: «Мол, мы — московская милиция — вот уже 15 лет «пасем» Кондакова и ниеде не можем поймать его за руку. А тут на тебе, приехали из какой-то дремучей Удмуртии и хотят улечь неуловимого «серого кардинала» в хищении денежных средств в особо крупных размерах. Но после того как я предъявил им санкцию на арест, все тут же переменились в лице, и начальник отдела заявил, что лично поставлено мной приставить Кондакова. Для него, как он пояснил, это была честь: задержать Василюса на законных основаниях... А Кондаков, впоследствии на допросе все верчал, говоря, что случайно задержался на указанном адресе; еще бы 15 минут — и ищи его как ветра в поле».

Впрочем, со смешной политической стороны то, что ранние караульные серьезными тюремными сроками, теперь приветствуются в особо крупных размерах, в честных гражданах, арестованных, — это неизбежно.

Сам факт участия в «левых» концертах не образовывал состава преступления, и вопрос о взыскании с артиста незаконно полученных им денег мог решиться и в гражданском порядке, для чего совсем не обязательно было привлекать его к уголовной ответственности.

На первоначальном этапе следствия, — вспоминает Семен Кравец, — Семен Кравец, — защищая Кондакова, в кабинете поднялся дрожжий смех. Операторники говорили: «Мол, мы — московская милиция — вот уже 15 лет «пасем» Кондакова и ниеде не можем поймать его за руку. А тут на тебе, приехали из какой-то дремучей Удмуртии и хотят улечь неуловимого «серого кардинала» в хищении денежных средств в особо крупных размерах. Но после того как я предъявил им санкцию на арест, все тут же переменились в лице, и начальник отдела заявил, что лично поставлено мной приставить Кондакова. Для него, как он пояснил, это была честь: задержать Василюса на законных основаниях... А Кондаков, впоследствии на допросе все верчал, говоря, что случайно задержался на указанном адресе; еще бы 15 минут — и ищи его как ветра в поле».

Владимир Высоцкий, — вспоминает Семен Кравец, — оказался проездом и о концертах Высоцкого, Хазанова и Толкуновой вообще ничего не знает. И потом в камере в знак протesta, что его, честного гражданина, арестовали, объявили голодовку. Человек железнной воли, он 49 дней не пристался к пище. И лишь привер-

шевший к стене неопровергимыми доказательствами, вынужден был признать свое участие в судебном заседании для дачи показаний. Мне даже пришлось выносить постановления об их приведении в действие, но безрезультатно. Высоцкий присяжал телеграфом, что болен, Толкунова писала, что болен, Любимов

и Хазанова никак не могли доказать в обложке. Они, в свою очередь, связались с высокопоставленными партийными работниками из Москвы, и те дали устновку: рассматривать дело без артистов. Что ни говорят, а эстрадные звезды пользовались покровительством.

А далее был суд. Судья Верховного суда УАССР Иван Тюрик рассказывает:

— Основная загадка была в том, что известных артистов и

С ИЖЕВСКИМ РУЖЬЕМ — НА ВЫСОЦКОГО

Охота, которая обернулась неволей

тели филармонии составляли акт об уничтожении якобы не проданных 2000 билетов. Все документы при этом были в порядке, и немалые деньги перекочевывали из общественного кармана в частный.

Государственная машина загнала директора Удмуртской филармонии в угол, и, хотя ему грозила статья Уголовного кодекса, Башмакову ничего не оставалось, как играть ба-бан. И уже 24 апреля 1979 года газета «Удмуртская правда» поместила объявление следующего содержания: «26, 27, 28 апреля в эстрадные концерты с участием артистов Театра на Таганке, автора-исполнителя Владимира Высоцкого и Валерия Золотухина и пр...»

Из протокола допроса В. Высоцкого: «Поехали в г. Ижевск и Глазов было предпринята попытка для привлечения артистов на концерты с участием артистов Театра на Таганке, автора-исполнителя Владимира Высоцкого и Валерия Золотухина и пр...»

Владимир Высоцкий по ведомости получил за тур по Удмуртии 129 руб. 49 коп., Валерий Золотухин — 77 руб. 25 коп. Но это лицевая сторона медали, обратная отразилась в материалах уголовного дела.

Накануне уединенных гастролей к Высоцкому в машину влез малознакомый администратор, который выставил счетчики, чтобы оплатить проживание в Таганке. Для него, что он и другие обиженные по делу просто хотят облегчить свою задачу, сырье на аншлагах.

— Владимир Семенович, выручайтесь!.. Мы будем платить вам 500 рублей за концерт... И Высоцкий согласился.